

УДК 82.09-1
DOI: 10.26456/vtfilol/2023.1.027

ТРАДИЦИИ РУССКОГО СОБОРНОГО «МЫ» В ВОИНСКИХ БАЛЛАДАХ В.С. ВЫСОЦКОГО

В. В. Волков, Н. В. Волкова

Тверской государственный университет, г. Тверь

В статье рассматриваются русские дискурсивные традиции использования местоимения *мы* в речи единичного говорящего в целях языкового маркирования своей принадлежности той соборной целостности, которая по условиям контекста денотативно соотносится с семантикой местоимения *мы*. Авторы установили, что в военных балладах В.С. Высоцкого традиции соборного «мы» просматриваются в связи с древнерусской литературой, с русской поэзией всех периодов времени. Фундаментальная основа этой традиции – особенности русского национального менталитета, важнейшая черта которого – соборность как единство личного «я» и коллективного «мы».

Ключевые слова: *русская словесность, личные местоимения, русская литература, В.С. Высоцкий, русский менталитет, соборность.*

Введение

Владимир Семенович Высоцкий и поэт с уникальным лирическим «я», и «автор-исполнитель» таких своих песен, которые и при его жизни, и после смерти 25 июля 1980 года воспринимались и воспринимаются как общие нам всем – как народные, но не в фольклорном смысле этого слова, а как говорящие о народе и от лица народа. Для советской науки о литературе Высоцкого как бы «не существовало», и в Союзе писателей он не состоял, однако ныне его творчество, как «энциклопедия русской жизни» второй половины XX века, как «своеобразная *лирическая эпопея*» [6, с. 3], – органичная часть истории русской литературы и по-прежнему пульсирует в «живой жизни» народа.

25 января 2023 года Высоцкому исполнилось бы семьдесят пять. Более сорока лет после смерти, и хотя другие времена пришли, но в его стихах и песнях мы по-прежнему слышим, узнаем – именно себя, встречаемся – с собой, с разными, но едиными в общенародном соборном «мы». Особенно актуально и сильно в нынешнее, по-особому историческое время звучит военная поэзия Высоцкого. Родившийся в 1938-м, знавший поколение Великой Отечественной не понаслышке, он дает предельно наглядное, точное и вместе эпически обобщенное ощущение войны как таковой, которое как бы «над» временем и равно узнаваемо разными поколениями.

© Волков В. В., Волкова Н. В., 2023

Один пример. «Мы вращаем Землю» (1972), фрагмент [7, т. 2, с. 360]:

Этот глупый свинец всех ли сразу найдёт?
Где настигнет – в упор или с тыла?
Кто-то там, впереди, навалился на дот –
И Земля на мгновенье застыла.

Это о любом времени, включая нынешнее. Необязательно «свинец» или «дот». Дело не в них – в смерти для жизни. Официальный представитель МИД России Мария Захарова во время записи интервью с В. Манучаровым (12.12.2022), читая это стихотворение, не сдержав слёз, отметила, что оно – про тех советских военнослужащих, память о которых ненавистна нашим сегодняшним врагам. «Он <Владимир Высоцкий> писал это про тех, кому сейчас сносят памятники в Прибалтике», – заявила она [10]. Герои нашего прошлого живы и в нашем сегодняшнем общенациональном «мы», и в личных «я» новых патриотов России, – отсюда и ненависть наших врагов к нашему прошлому, в котором залог нашего будущего.

Цель данной работы – рассмотреть те особенности местоимений *я* и *мы*, которые обуславливают возможность их взаимозамены в текстах, отражающих соборность как ядро русского менталитета, включая воинские баллады В.С. Высоцкого.

Местоимения *я* и *мы*: семантическая соотносительность и контекстуальные смыслы

Основная функция местоимения *я* – прямое указание на личность говорящего, функция *мы* – указание на некое множество / совокупность лиц, которая включает в том числе и говорящего («я»).

От лица каких именно «мы» говорит / может говорить «я»? С какой целью говорящий, выступая как «я», использует *мы*? В случае, например, научной речи – «для скромности», избегая акцентировки своего личного вклада, в политическом дискурсе – чтобы подчеркнуть понимание говорящим интересов аудитории, в педагогике – нацелить на совместную деятельность с общими для всех задачами и т. д. Эти общие соображения очевидны, но нуждаются в разработке.

Теоретико-лингвистический ключ к семантике местоимения *мы* – в понятии «дейксис»: «...указание как значение или функция языковой единицы <...> служит для актуализации компонентов ситуации речи и компонентов денотативного содержания высказывания» [4, с. 128]. Как явствует из многочисленных специальных работ по русским местоимениям (например: [8; 19; и др.]), в случае конкретно-ситуативного акта речи налицо «указание» в прямом смысле – на конкретных, наличных в актуальной реальности лиц / множество лиц, то есть *референциальное указание*.

зание. В случае обобщенно-ситуативного акта речи налицо «указание» в специфицирующем смысле «соотнесения» говорящего («я») с неким возможным в реальности кругом лиц, сходных по своим характеристикам с говорящим «я», то есть *денотативное соотнесение*.

Включение / пребывание «я» в «мы» – это инклюзивная, «включающая» референциальная / денотативная семантическая функция местоимения *мы*, которое оказывается именующим «единое субъектное целое» [12, с. 54]. Состав этого «субъектного целого» и, соответственно, контекстуальная семантика *мы* определяется тем, с кем / чем отождествляет себя говорящий, в состав какой именно совокупности / сообщества людей включает себя. Отсюда самые разные возможные прочтения конкретной ситуативной / контекстуальной семантики *мы*: «мы общенародное», «мы поколения» и т.д. Как местоимение (внутренняя форма термина – «вместо имени»), *мы* выступает как свидетельство принадлежности говорящего некоей организованной целостности.

Какой именно целостности принадлежит «я», говорящее от имени «мы», зависит от обстоятельств речи и контекста. В пределе обширности эта цельность, видимо, *народ / государство*. Текст Конституции России открывается местоимением *мы*, которое однословно декларирует соборное единство коллективного автора Основного Закона: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле <...> чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству <...> исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем...» [13, с. 3]. Ключевое слово здесь, раскрывающее конкретное содержание инициального *мы*, – *народ*. Целостность народа, цивилизационно основывающаяся на Православии [5], выходит за пределы сиютекущего исторического времени, включает *предков*, в целом все *поколения* – нынешнее и будущее.

Соборное «мы» народа – вне времени, поскольку относится ко всем временам, и вне социальных границ, так как в «мы» народа – каждый, кто сознаёт / признаёт себя частью этого макросубъектного единства.

На православной литургии диакон призывает: «Миром Господу помолимся» (здесь «мы»-синтаксическое, спрятано в глагольной форме) – и в общем сознании верующих проступают оба ключевых значения этого возгласа: (1) «в мире» (через «И восьмеричное»), то есть в согласии, единодушии, тишине и покое, (2) «міром» (через «і десятеричное»), то есть всей общиной как целым. И.В. Сталин в речи 3 июля 1941 года призывает к всенародному единению, используя «мы»-лексические: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» [21, с. 609]. Казалось бы, несопоставимо разные вещи: обращение диакона на литургии к прихожанам и ли-

дера государства по радио к гражданам. Общее: обращение ко всем, кто един в принадлежности нашей стране и цивилизации, обращение к их коллективному «мы», и право обращаться к такому коллективному «мы» у говорящего – в том, что он (говорящий) тоже принадлежит этому коллективному «мы».

О «я» автора «мы»-текстов

В 1967 году теоретик постструктурализма Ролан Барт опубликовал эссе «Смерть автора», где продвигает идею автономного существования текста, в его независимости от личности автора. По Барту, после рождения текста его автор «умирает», а текст начинает жить своей жизнью в сознании каждого отдельного читателя. То есть в рамках триады автор-текст-читатель главенствующая роль отводится читателю, так как именно благодаря ему текст «оживляется». Или еще категоричнее: даже на этапе рождения текста «...говорит не автор, а язык как таковой; письмо есть изначально обезличенная деятельность <...> позволяющая добиться того, что уже не “я”, а сам язык действует...» [1, с. 384–385]. Как видим, автономность постулируется не только существованию, но и рождению текста, которое «изначально обезличенная деятельность».

Эссе в свое время вызвало много споров. В контексте наших задач заметим только, что в предельном отвлечении от реальных процессов взаимодействия текста и читателя с Бартом, пожалуй, можно и согласиться: действительно, книга на полке лишь мертвый артефакт до тех пор, пока читатель ее не откроет и не войдет в то, что за строчками – в как-бы-живой мир. Но далее, в рамках взаимодействия читателя с этим «миром за строчками» читатель оказывается в заочном диалоге с автором.

«Я» автора наглядно-очевидно, если авторская позиция носит узко-личностный характер или представляет маргинальные групповые структуры, сугубо частные по отношению к национальному коллективному сознанию (современный пример – продвижение идей феминизма и сексуальных меньшинств). Авторское «я» вырастает за пределы личности «биографического» автора по мере движения от маргинального к национальному. Это дорога со многими остановками, континуальное пространство, и противоположный маргинальному полюс – восхождение к общечеловеческому.

Общеизвестно, что «настоящий» художественный, не маргинальный текст, транслирующий глубинные смыслы культуры / цивилизации, апеллирующий к коренным национальным / общечеловеческим ценностям, всегда «больше» автора, как произведение музыкальной классики «больше» композитора, великая картина «больше» художника. В их глубине автор «растворяется», чему пример – произведения древнерусской литературы или военных баллад Высоцкого. Они «над» биографиче-

ским автором, и, с этой точки зрения, Барт ничего принципиально нового не сказал: древнерусский летописец как автор «не виден», но он не «умер», он растворен в национальном «мы», как «растворен» Высоцкий в своих персонажах, как «растворён» Пушкин в нашем национальном «мы» – настолько органично, что мы до сих пор воспринимаем его как часть себя.

Ю. М. Лотман о Пушкине не без некоей озадаченности риторически вопрошал: как же Пушкин ухитряется до сих пор находиться с нами в состоянии живого диалога? Ответ в том, что тексты Пушкина по сей день обладают свойством впитывать новые, сегодняшние смыслы: «Вы можете сказать: как же так? Его книги напечатаны, страницы зафиксированы, буквы сдвинуть с места нельзя. А меж тем система, которую Пушкин создал и запустил в мир, – это динамическая структура, она накапливает смысл, она умнеет, она заставляет нас умнеть, она отвечает нам на те вопросы, которых Пушкин не мог знать» [17, с. 227]. Несомненно, текст Пушкина больше Пушкина, текст Высоцкого больше и «биографического», и «историко-литературного» Высоцкого. Наглядным актуальным примером может служить песня «О конце войны» (1977): «И все же на Запад идут и идут, и идут эшелоны, / А нам показалось – почти не осталось врагов» [7, т. 4, с. 77]. Речь вроде о Великой Отечественной, но на деле – о состоянии, в котором Россия находится все века своего существования.

Князья в древнерусской литературе и солдаты в балладах Высоцкого

В Ипатьевской летописи о походе князя Игоря вместе с другими русскими князьями читаем, что решили они, идя к реке Донцу, сойти с коней, чтобы не оставить простых людей пешими погибать, потому что «от Бога ны будеть грѣхъ», и действовать нужно вместе: «Но или умремь, или живи будемь на единомь мѣстѣ» [2, т. 4, с. 238]. Местоимения *мы* нет, налицо «мы»-синтаксическое, в глаголах-сказуемых от имени коллективного «мы». Д. С. Лихачев в «Поэтике древнерусской литературы» отмечал, что, в отличие от литературы нового времени, которая «имеет множество образов авторов – индивидуализированных, каждый раз создающихся писателем или поэтом заново», литература средневековья «стремится выразить коллективные чувства, коллективное отношение к изображаемому. Отсюда многое в нем зависит не от творца произведения, а от жанра, к которому это произведение принадлежит. Автор в гораздо меньшей степени, чем в новое время, озабочен внесением своей индивидуальности в произведение» [16, с. 69]. В этом литература следует за порядком средневековой жизни: родовое предлежит индивидуальному, общее выше частного.

В древнерусских воинских повестях и в смежных по тематике произведениях других жанров выразитель «коллективных чувств» – это духовный и военный лидер, олицетворяющий высоту духа и воинской доблести всех защитников земли русской. Типы таких героев обозримы; по оценке исследователей, налицо три основных: 1) «князь-сподвижник <...> правитель своего народа, опытный, смелый и отважный воин»; 2) «отрок-подвижник» – молодой князь, который принимает волю старшего как волю Всевышнего; 3) «русский богатырь» – лучший из воинов, наделенный чертами былинных героев, воплощение святости воинского дела перед лицом врагов православия. В оппозиции – «предатель земли русской и веры христианской», которого «неминуемо ожидает божественное возмездие» [20, с. 197]. Князья и богатыри – образный центр эпической картины, олицетворение духовной и военной силы Руси.

Напротив, в русской литературе нового времени эпичность «героической темы» основывается на акцентировке не лидеров, а рядовых тружеников войны, в обрисовке которых наиболее отчетливо проявляется «творческая авторская индивидуальность» [14, с. 18]. Баллады Высоцкого, следуя этой новой традиции, вместе с тем сродни древнерусским воинским повестям эпичной обобщенностью взгляда, но принципиально отличаются от них в системе образов: главный герой Высоцкого – рядовой солдат, предстающий как отдельное лицо или как коллективный герой – например, рота или батальон.

Показательный пример эпичности как «вписанности» частного в национальное – батальная картина отступления – наступления в балладе «Мы вращаем Землю», где базовое прономинальное именование коллективного героя – *мы* вбирает частные, включая живых и павших, известных и безымянных [7, т. 2, с. 360–361]:

– *мы, (наш) комбат*: «От границы мы Землю вертели назад / (Было дело сначала), / Но обратно её закрутил наш комбат, / Оттолкнувшись ногой от Урала»;

– *роты*: «Просто Землю вращают, куда захотят, / Наши сменные роты на марше»;

– *руки кверху поднявшие, живые, павшие*: «Здесь никто б не нашел, даже если б хотел, / Руки кверху поднявших. / Всем живым ощутимая польза от тел – / Как прикрытье используем павших»;

– *все, кто-то*: «Этот глупый свинец всех ли сразу найдет, / Где настигнет – в упор или с тыла? / Кто-то там, впереди, навалился на дот – / И Земля на мгновенье застыла»;

– *я (отдельный и всеобщий), мертвые*: «Я ступни свои сзади оставил, / Мимоходом по мёртвым скорбя, / Шар земной я вращаю локтями – / От себя, от себя!»

Если спросить: где в этом эпичном перечне «лирический герой», то ответ, пожалуй: он – в них, в нас, в их и нашем общем «мы». Термино-

логически эту особенность поэтического голоса Высоцкого исследователи иногда фиксируют в понятии «интерсубъективность», говорят о «интерсубъективной природе» лирического сознания Высоцкого, отмечая, что в его поэзии «способность лирического “Я” совмещать свое и чужое доведена до предела» [11, с. 19].

Широта «предела» и выход далеко за границы собственного лирического «я» – в многообразии поэтических персонажей, что особенно наглядно в балладах от первого лица – через личное я, которое соотносится с поразительно широким диапазоном поэтических «масок», в частности:

– русские солдаты в разных жизненных ситуациях: у границы между жизнью и смертью («Песня о звёздах», «Письмо», 1967), солдат, потерявший друга («Он не вернулся из боя», 1969), солдат штрафного батальона, которого «недострелили» («Тот, который не стрелял», 1973);

– лётчик («Две песни об одном воздушном бое», 1968);

– самолет («Як»-истребитель) как самостоятельное «я» («Песня самолёта-истребителя»);

– солдаты противника («Солдаты группы “Центр”», 1965, «Растревожили в логове старое зло...», «Целуя знамя в пропыленный шелк...», 1971); и др.

Особое место занимают баллады от имени собирательного «мы», где лирический герой – коллективный: «Баллада о борьбе» (1975), «Мы возвращаем Землю» (1972), «Высота», «Штрафные батальоны» (1963), «Сыновья уходят в бой» (1969), «Военная песня», «Все ушли на фронт» (1964) и др.

Коллективное / соборное «мы» в военных балладах Высоцкого отражает ту многовековую батальную традицию русской литературы, которая последовательно реализована, в частности, у Л.Н. Толстого в романе «Война и мир», афористически выражена в хрестоматийном обобщении о причинах победы в Отечественной войне 1812 года: «...дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесобразностью, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все наше шествие» [22, с. 140]. Отличие Высоцкого, особо отчетливо проступающее на фоне этого толстовского обобщения, – акцентированная личностная и коллективная субъектность военной работы, концептуальная выделенность личных «я» и «мы», в числе которых не только живые, но и павшие, которые и посмертно не оставляют живых, действуют здесь и сейчас.

Соборность и святость: воины и святые

Едва ли не самая характерная особенность русской словесности в ее вершинных явлениях – фундированная христианством учительность,

ср. оценку Д.С. Лихачева: «Учительный и патриотический характер русской литературы, ее нравственная бескомпромиссность определились в XIII–XIV веках с полной отчетливостью и сохранились в русской литературе до нового времени включительно, став одной из важнейших национальных черт русской литературы в ее целом» [15, с. 28]. В неразрывной связи с этой особенностью, не менее значимая – соборность [9].

Соборность в российской истории и в русском национальном характере выступает в единстве секулярно-светских и сакрально-религиозных ее проявлений. Соборность, понимаемая как телесно-духовная цельность народа, глубоко исследована в русской славянофильской традиции, в этом прочтении соборность «вобрала в себя <...> свойства бытия Церкви, но также интуиции об идеальном общественном устройстве, кроющемся в органической стихии народного существования» [24]. По А.С. Хомякову (1804–1860), «...*собор* выражает идею собрания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею *единства во множестве*» [23, с. 455]. Хомяковская формула соборности «*единство во множестве*» – это секулярная парафраза апостольского речения «да будет Бог всё во всём» (1 Кор 15: 28), из которой следует надежда на соборное единство «я» и «мы» не только среди ныне живущих, но и между живыми – и ушедшими, упование на небесное покровительство святых.

Православные святые – искони небесные защитники, помощники, заступники русского / российского воинства. Так, князья Борис и Глеб, первые в сонме святых русской Церкви (XI век), канонизированные в лике мучеников-страстотерпцев, изначально выступали как небесные помощники русских князей, прежде всего в ратном деле. Небесная защита наглядно-зрима для «благочестивых», как свидетельствует, например, «Летописная повесть о Куликовской битве»: «Видели благочестивые в девятом часу, как ангелы, сражаясь, помогали христианам, и святых мучеников полк, и воина Георгия, и славного Дмитрия, и великих князей тезоименитых – Бориса и Глеба. Среди них был и воевода совершенного полка небесных воинов – архистратиг Михаил. <...> И воздвиг Бог десницу нашего князя на одоление иноплеменников» [3, с. 131]. Современная «Православная энциклопедия» отмечает: «С течением времени все более укреплялась вера в Бориса и Глеба как защитников Русской земли и помощников русским князьям, позднее царям (“сродникам” Бориса и Глеба) в войнах» [18, с. 53]. В числе самых известных событий, ассоциирующихся с помощью этих небесных покровителей, – победа князя Александра Невского на Чудском озере в 1242 г., помощь русскому войску в Куликовской битве (1380), в ходе Русско-шведской войны (1656–1658), и мн. др.

Пронзительная поэтическая парафраза новозаветного обетования «да будет Бог всё во всё» и христианской традиции упования на помощь небесных покровителей – в тех балладах Высоцкого, пафос которых можно охарактеризовать как «мёртвые на страже живых». Афористически-убедительно этот мотив – в финале баллады «Он не вернулся из боя» (1969) [7, т. 2, с. 108]:

Наши мёртвые нас не оставят в беде,
 Наши павшие – как часовые.
 Отражается небо в лесу, как в воде,
 И деревья стоят голубые.

Воспринимаем обобщенно: баллада отсылает к Великой Отечественной, но та «священная война» – лишь одна из многих истинно *священных* войн, которые вела и ведет наша страна, защищая в себе – Божье дело.

В богопризванности русского воина – истоки мотива неразрывности земного и небесного в воинских балладах Высоцкого, существо этого мотива – в восприятии реальных земных солдат – как участников Небесной битвы.

В балладе «Песня летчика-истребителя» из мини-цикла «Две песни об одном воздушном бое» (1968) [Там же, с. 9–10] – история гибели в неравном воздушном бою («Их восемь – нас двое») двух друзей. Сначала ушел один. Второй – от своего «я» – предчувствует:

Я знаю, другие сведут с ними счеты,
 Но, по облакам скользя,
 Взлетят наши души, как два самолета, –
 Ведь им друг без друга нельзя.

Архангел нам скажет: “В раю будет туго!”,
 Но только ворота – щелк!
 Мы Бога попросим: “Впишите нас с другом
 В какой-нибудь ангельский полк!”

И я попрошу Бога, Духа и Сына,
 Чтоб выполнил волю мою:
 Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
 Как в этом последнем бою.

Мы крылья и стрелы попросим у Бога –
 Ведь нужен им ангел-ас.
 А если у них истребителей много,
 Пусть пижут в хранители нас.

Уже в наши дни Евгений Пригожин (основатель и руководитель ЧВК «Вагнер»), рассказывая о военном труде своих сослуживцев, в том

числе о лётчиках, повторивших подвиг Николая Гастелло (командир экипажа Александр Антонов и штурман Владимир Никишин направили свой горящий самолет на скопление военной техники и живой силы противника), по данным текущих новостей, периодически повторяет: «Бог помогает... Если Богу будет трудно, то они тоже помогут».

Заключение

Военные баллады Высокого в своем образном и мотивном строе глубинно традиционны и одновременно остро актуальны. Традиции просматриваются и в очевидных, наглядных связях с русской поэзией всех времен, с древнерусской литературой – в темах, художественных приемах и образах, и в малозаметных языковых явлениях, включая особенности употребления личных местоимений, особенно 1-го лица – *я* и *мы*, наблюдения за которыми позволяют яснее увидеть связь индивидуального, личного – и общего, соборного в национальном характере русского воина и в русском менталитете в целом.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. Санкт-Петербург: Наука, 1997. 688 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV – середина XV века. Санкт-Петербург: Наука, 1999. 583 с.
4. Виноградов В. А. Дейксис // Языкознание: Большой энциклопедический словарь Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 128.
5. Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В. Теолингвистические компоненты в секулярных именовании особенностей русского менталитета и российской государственности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 1(68). С. 105–114. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.105
6. Волкова Н. В. Русский национальный характер в поэзии В. С. Высоцкого: учеб. пособие / Тверской государственный университет. Тверь, 2011. 97 с.
7. Высоцкий В. С. Собрание сочинений: В 5 т. Тула: Тулица, 1993–1998.
8. Гранева И. Ю. Русское личное местоимение «я» в коммуникативно-прагматическом освещении // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 5. С. 197–203.
9. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1995. 288 с.
10. Захарова М. Пугачева, Вайкуле, Дождь и Эхо // Эмпатия Манучи. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BBr1sN4Qo0I> (дата обращения 25.01.2023).
11. Кихней Л. Г. Лирический субъект в поэзии В. Высоцкого // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2007–2009 гг. / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. С. 9–42.

12. Колмогорова А. В. Концептуализация и коммуникативная реализация категории субъекта деятельности в повседневном речевом общении русских // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1(2). С. 45–56.
13. Конституция Российской Федерации (с поправками от 14.03.2020 г.). Федеральные конституционные законы. Москва: Мартин, 2020. 64 с.
14. Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе. Москва: Просвещение, 1974. 304 с.
15. Лихачев Д. С. Литература трагического века в истории России // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. Санкт-Петербург: Наука, 1997. С. 5–28.
16. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Москва: Наука, 1979. 360 с.
17. Лотман Ю. М. Пушкин притягивает нас, как сама жизнь // Лотман Ю. М. Воспитание души. Санкт-Петербург: Искусство–СПБ, 2005. С. 227–228.
18. Назаренко А. В., Флоря Б. Н. Почитание Бориса и Глеба в России // Православная энциклопедия. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. Т. 6. С. 52–53.
19. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). Москва: Наука, 1985. 272 с.
20. Руднева И. С. Образ русского воина в древнерусской литературе // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1(27). С. 196–202.
21. Рыбас С. Ю. Сталин. Москва: Молодая гвардия, 2015. 911 с.
22. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. Москва: Художественная литература, 1963. 496 с.
23. Хомяков А. С. Философские и богословские произведения. Москва: Книжный Клуб Книговек, 2013. 592 с.
24. Хоружий С. С. Идея соборности: ее православно-славянофильские истоки и ее перспективы в современном постсекулярном мире // ИСА. Институт синергийной антропологии. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

TRADITIONS OF THE RUSSIAN COLLECTIVE “WE” IN THE MILITARY BALLADS OF V. S. VYSOTSKY

V. V. Volkov, N. V. Volkova

Tver State University, Tver

The article examines the Russian discursive traditions of using the pronoun “we” in the speech of a single speaker in order to linguistically mark their belonging to that conciliar integrity, which, according to the context conditions, denotatively correlates with the semantics of the pronoun “we”. The authors have established that in the military ballads of V. S. Vysotsky, the traditions of the conciliar “we” are connected with ancient Russian literature, with Russian

poetry of all periods of time. The fundamental basis of this tradition is the peculiarities of the Russian national mentality, the most important feature of which is conciliarity as the unity of the personal “I” and the collective “we”.

Keywords: *Russian literature, personal pronouns, V.S. Vysotsky, Russian mentality, conciliarity.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.

About the authors:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

VOLKOVA Natalya Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.02.2023 г.

Дата подписания в печать: 27.02.2023 г.